

Та Ши

РУССКИЕ СКАЗКИ

Та Ши
Русские сказки

«Издательские решения»

Ши Т.

Русские сказки / Т. Ши — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749620-3

Сказки — ключи языка, родники речи. Во все времена у всех народов они актуальны и значимы, ведь мир, о котором в сказках сказывается — это мир «намёка и урока». В книге представлены авторские варианты и интерпретации всем известных русских сказок — о лягушке-царевне, о том-не-знаючем, Маше и медведе и др., собственные сказки, написанные в «русском» стиле, а также цикл иронических сказок об Иване-царевиче, его «вечных» спутниках, «вечном возвращении» и превратностях судьбы.

ISBN 978-5-44-749620-3

© Ши Т.

© Издательские решения

Содержание

Сказка о царе и Деве-горлице	6
Лягушечка	9
Паук-царевич, Марья-моревна и царство ягая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Русские сказки Та Ши

© Та Ши, 2016

ISBN: 978-5-4474-9620-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о царе и Деве-горлице

Жил-был царь в своем царстве. Царь как царь, ничего особенного. И так бы жил он и дальше, но однажды влюбился, и, прямо скажем, не к добру. А дело было так.

Был у царя слуга. Слуга как слуга – подай-принеси, полным-полно таких при дворце царском, но был тот слуга еще и охотник, каких мало: дичь сама ему под ружье шла, потому ценили его в царском хозяйстве и берегли.

И вот, понимаете, где-то да как – то неведомо – усмотрел царский слуга да подстрелил дикую горлицу, но только не донес он ее до кухни царской, а унес к себе в дом. Кабы узнали царские соглядатаи, что утаил слуга от царя такую дичь диковинную, не сносить бы ему головы, а он удержал свою добычу в секрете. И обернулась горлица та в его дому девицей, да такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А все подумали, что привел он в дом молодую жену, и только. Спасло это царского слугу да ненадолго.

По законам того царства полагалось всем молодоженам немедленно к царю являться за царской распиской в законности женитьбы. Ну, и царский слуга, как положено, привел свою жену пред царски очи. Вот. С этого-то и начались все царевы неприятности.

Влюбился царь страстно, безумно и задумал он жену у слуги своего верного увести, чтобы самому на ней – да хоть бы и жениться. В конце концов, царь он или не царь?! Может себе позволить, если захочет. Так наш царь, царством владея, с самим собой не совладал. Повели его за собой худые мысли, стал царь подумывать, как бы и куда услать слугу своего, да подальше да наподольше, чтобы не был он ему помехой в его замысле.

Переделся царь в простого человека и, как стемнело, вышел из дворца – погулять по царству, посмотреть да послушать, не подскажет ли ему кто, что да как...

Шел, шел и споткнулся о пьяницу. Хотел наподдать ему ногой, чтобы тот зря под ногами не валялся, да услышал:

– ээ... что-то больно ты на царя нашего похож... иии... похоже, худое удумал... эээ...

Испугался царь, схватил пьяницу за шиворот, встряхнул хорошенько, отвел в ближайший кабак, усадил за дальний стол, поставил перед ним стакан водки, велел пить да помалкивать. Собрался уж было уходить, а пьяница ему и говорит:

– ээ, зря ты, царь, думаешь, что пьяница в царстве твоём ни на что не годен, садись поближе, укажу твоим задумьям дорожку худую, нехоженную.

Царь присел за стол, приказал подать и себе стакан водки, а пьяница продолжает:

– ээ... знаю, в чем твоя беда... задумал ты у слуги своего жену увести, а как подступиться к ней иии... не знаешь... а я знаю, чего ты не знаешь... эээ...

– Ну, говори скорей! – Прикрикнул на него от нетерпения царь.

– ээ... ты вот думаешь, слуга твой верный женился на красавице, а ведь не так все было... на деле утаил он от тебя дичь невиданную, диковинную, какую на охоте царской добыл – прекрасную Деву-горлицу... и в свой дом ее принес вместо твоей царской кухни... иии... в его дому оборотилась она красавицей, а на твоей-то кухне... эээ... уж и не знаю... стало быть... надо тебе думать, как место слуги своего занять, если хочешь ты с ней жить...

– Хочу, только того и хочу, – прошептал царь.

Наутро призвал царь слугу своего верного-неверного и приказал ему, домой не заходя, отправляться в дальний путь – искать То-не-знаю-что и обратно без того не возвращаться.

Только вышел слуга из дворца, подошел к нему пьяница в царском обличье и приказал царским людям связать слугу под локотки, вывести из царства вон, дать ему пять каменных рублей и отправить его по речной дорожке без сапог, без лодки, искать То-не-знаю-что и назад не возвращаться.

А потом явился пьяница в царский дворец, оборотил царя в слугу, дал ему невидимый гребешок для Девы-горлицы, наказал воткнуть ей его в волосы, чтобы носила она его, не вынимая, и так вовеки не смогла бы проведать об их обмане.

Занял пьяница место царя, стал гулять-пировать да царством закусывать, царство шаром покатывать. А счастливый царь пришел в дом своего слуги, потихоньку воткнул гребешок в волосы Девы-горлицы, и стал с ней жить-поживать да обязанности своего слуги исполнять.

Вот прошел год, и два, и три. Пьяница царем во дворце пирует, царство шаром катает. Царь слугой с Девой-горлицей живет, царскую охоту справляет. А слуга царский все ищет То-не-знаю-что, да никто про то не знает.

Но как-то раз расчесывала волосы Дева-горлица и зацепилась гребешком своим за невидимый гребешок. Выпал из ее волос колдовской гребень, и в тот же миг проведала она про царский обман. Да только про обман-то и проведала, а всей горькой правды еще не узнала.

Закричала Дева-горлица:

– Глупый ты царь, неразумный! Как же так! Худое замыслил, законы мира нарушил, дал окрутить себя окольному человеку, пьянице, так что облик он твой пропил невозвратно! Погляди теперь еще, что с царством твоим сделалось!

Поглядел царь – царство шаром катится, царь-пьяница под столом лежит, ни на что не похожий, а сам он в чужом облике в чужом доме с чужой женой живет. Что же это? Как же это такое могло случиться с ним, с самим царем? Заплакал он, загоревал, пал на колени перед Девой-горлицей, стал прощения просить, во всем любовь свою несчастную да подлого пьяницу винить.

Хотела Дева-горлица улететь от царя прочь, да пожалела его и его царство, и сказала ему так:

– Если и вправду хочешь ты дело свое худое исправить, придется тебе самому пойти искать по белу свету То-не-знаю-что, чтобы слугу твоего, мужа моего законного, отыскать. Ну, а я с тобой, стало быть, отправлюсь...

Согласился с ней царь, помощи ее обрадовался, снарядился в путь-дорогу, отпихнул ногой пьяницу, сложил в суму свое шар-царство, а Дева-горлица полетела над ним, куда идти, ему подсказывая.

Долго ли, коротко ли шел царь по белу свету и летела над ним Дева-горлица, да только притомился он, и она притомилась, а где искать То-не-знаю-что да слугу царского по-прежнему им было неведомо.

– Придется нам все же к бабе-яге наведаться, – вздохнула Дева-горлица, – иного пути не вижу.

Согласился с ней царь.

Вот приходят они к яге-бабе. Входят в избу, а она им и говорит:

– Выйди вон, царь-негодяй, а с Девой-горлицей я уж потолкую.

Рассказала Дева-горлица бабе-яге все, что с ними случилось, и попросила помочь разыскать ее мужа, слугу царского, а царю-негодяю – помочь вернуть его облик и царство.

Баба-яга отвечает:

– Пьяница этот – древний змейский колдун. Много царств он погубил по худой воле царей, кои вдруг негодьями сделались. Колдовство его страшное оборотной силы не имеет: ни воротить, ни исправить его никому не под силу. Царство царя-негодяя навсегда покати-шаром и останется, а он при царстве своем, как царю положено, пусть остается.

А потом открыла ей баба-яга То, Не-знала-что Дева-горлица. Зарыдала та, забилась от горя. Взяла баба-яга ее потихоньку за крылышко и свернула ей шею...

Царь-негодяй все ждал Деву-горлицу возле избушки бабы-яги. Ждал-ждал, не дождался, набрался храбрости, снова вошел в избушку, видит – баба-яга птичье крылышко обглаживает.

Бросила баба-яга в царя-негодяя обглоданным крылом горлицы, ударило оно его в голову, полетел царь-негодяй из избы да с крыльца кубарем, ударился о сырую землю и оборотился жуком навозным. Шар-царство тут из сумы выпало, и покатило его жук потихоньку в густую траву.

Лягушечка

Кому сказатеньки,
Как важно жила барынька?
Нет, не важная барыня,
А, так сказать, лягушечка:
Толста, низка и в сарафане,
И дружбу вела большевитую
С сосновыми князьями.
И зеркальные топила
Обозначили следы,
Где она весной ступила,
Дева ветреной воды.
(Велимир Хлебников)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Никоим, и росли да подросли у него трое сыновей – удалых молодцов. И пришло им время выбирать себе невест. Сказал им тогда царь-отец:

– Так, сыновья-надежи, мастерите-ка себе луки, берите их в сильные руки, выходите на границы нашего царства да стреляйте каждый в свою сторону. Куда чья стрела улетит, оттуда и возьмёт пусть себе невесту.

Так и случилось. Смастерили никоимовы сыновья могучие луки, вышли на границы некоторого царства, да и пустили стрелы в разные стороны.

Старший сын к морю вышел, выстрелил из лука – улетела стрела его за синее море. Пришел из-за синего моря корабль, на корабле краса-девица, в руке его стрелу держит, полон ее корабль сластей да пряностей, цветных шелков да золотых ниток. Обрадовался старший сын – хороша и богата его невеста, чего еще желать!

Средний сын вышел к лесу – и улетела его стрела аж за самый лес. Пришел из-за дремучего леса конный поезд, на белом коне краса-девица, в руке его стрелу держит, полны телеги вин да сыров, гобеленов вышитых да музыкантов искусных. Обрадовался средний сын – и его невеста хороша и богата, просто предел мечтаний!

Младший сын вышел к болоту, выстрелил – упала стрела его в бескрайнее болото. Выскочила из болота лягушечка, во рту его стрелу держит. «Ква-ква, – говорит, – Иван-царевич! Я невеста твоя! Ква-ква!» И все. Не обрадовался Иван-царевич, а совсем наоборот – расстроился и рассердился даже, да что делать – стала его невестой никудышная эта лягушечка.

Вот дает царь Никоим невесткам задание – испечь наутро хлеб. Там, ясно, старшие невестки – кто во что горазд, хлеба у них вышли черствые да горелые. А лягушечка сбросила с себя лягушечью кожу и оборотилась хлебом. Просыпается раным-рано Иван-царевич, глядит – на столе хлеб приготовлен для царского пира, белый да пышный, румяный да ароматный. Иван-царевич хлеб отцу отнес, тот – в восторге, ест да нахваливает: «Такой хлеб только в Божий день кушать!»

Проходит какое-то время, дает царь Никоим и второе задание: чтобы назавтра сшили невестки женихам рубашки. Старшие снова никуда не годно сшили, а лягушечка сбросила с себя кожу и сама той рубашкой оборотилась. Просыпается раным-рано Иван-царевич, глядит – уж готова его рубашка, и стиль, и текстиль, все учтено – не срамно показаться в такой

на царском пиру! Надел он рубашку и явился во дворец. Все ахнули: «Такую рубашку только в Божий день надевать!»

Снова проходит время – теперь пришла пора невесткам на люди показаться. Объявляет о том царь Никоим и зовет сыновей с женами к себе на пир. Старшие невестки наряжаются, платья роскошные заказывают, а лягушечка сидит себе на столе, на Ивана-царевича глаза выпучила. Постоял, поглядел на нее Иван-царевич и решил без нее на пир идти, а то, думает, смеяться над ним станут и над лягушечкой тоже, и... позор один, короче. А лягушечка ему и говорит:

– Ты, Иванушка, сам вперед иди, а я вслед за тобой приеду, да отца предупреди, чтобы не волновался.

Уехал Иван-царевич на пир, а лягушечка скинула с себя лягушечью кожу и оборотилась душой-девицей – такой красоты, что и не расскажешь. И вот в разгар пира является эта Красота Несказанная пред царя и людей очи, и все они, конечно, в изумлении, а больше всех ликует да изумляется Иван-царевич: вот какая – всех красавиц краше – моя жена!

Ну, началось веселье у них, вокруг девы той нет-нет да сияние разливается, потом она танцевать пошла, тогда вообще у многих гостей картины разные перед глазами стали появляться. Словом, масса общих впечатлений. А Иван-царевич смотрел-смотрел на это все, и вдруг его будто кто по спине ударил – помчался он в свой дом, вбегает, видит – на полу лягушачья кожа валяется, схватил он ее и по-быстрому сжег.

Шел день, шел месяц, шел год, другой. Лесами, естественно, полями...

И вот – забрел в неведомую чашу. Стоят перед ним деревья-великаны, плечами небо подпирают, а вершины их – головы человечьи, а между ними одно дерево – с лицом бабьим, жено-человеческим. Так-то. Стал говорить им Иван-царевич, что дурак был и прочее. Слушать-то его великаны слушали, а слышали – нет?..

Но после всех слов ударила у ног царевича белая молния, и великаны-деревья пропали, обернулся он вокруг себя и видит: избушка. Вошел в нее, нет никого, а он уже совсем усталый был, окончательно из сил выбился, так что сразу на лавку у стены повалился и заснул богатырским сном. И вот что Иван-царевич во сне увидел: входит в избушку жена его, на стол ставит хлеб, на лавке рубашку раскладывает, а сама в изголовье встала и велит бабу-ягу дожидаться. Проснулся Иван-царевич, на столе как есть – хлеб, да только каменный, на лавке – рубашка, да только каменная, у стола посох стоит – да тоже каменный.

Поел он каменного хлеба, надел каменную рубашку, и только взял в руки каменный посох, как за окном потемнело, завыл ветер, грянул гром, входит в избу баба-яга. Принюхалась, присмотрелась.

– Ага, – говорит, – снарядился уже! Что же, вот тебе мои помощи: нить-клубочек да нить-платочек. Как выйдешь из избушки, брось перед собой клубочек, тропинка появится, ступай по ней. Она тебя поведет и куда приведет – брось там перед собой платочек, появится озеро. А дальше как – там – сам...

Вот и еще какое-то время шел да шел Иван-царевич, пока клубочек не размотался весь, тогда остановился он и бросил перед собой платочек, как баба-яга научила, и в тот же миг разлилось перед ним демон-озеро. Как заглянул в него Иван-царевич, тотчас вскипело демон-озеро, забурило, задымилось и враз окаменело-оледенело.

Присмотрелся Иван-царевич, стоит посреди озера Ненаглядная Его и руки к нему протягивает. Возликовал он и побежал к ней по озеру, обо всем на свете забыв. Подбежал, обнял, тут снова ожило демон-озеро, и упали они на дно его как два камешка, как два ключика...

Паук-царевич, Марья-моревна и царство ягая (сказка о непарном шелкопряде)

вскрикнул камешек
телом белым покатился
о дно каменное
мешка каменного
не разбился

Часть I

Долго ли коротко ли, лесом ли полем ли шел Иван-царевич и вышел на полянку, на полянке избушка стоит – без оконца, без крыльца. Вокруг частокол с черепами человеческими и звериными. Не испугался Иван-царевич, сказал:

– Избушка-избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом.

Избушка заворочалась, в появившееся окошко выглянула баба-яга.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Иван-царевич. – Не подскажите, могу я поговорить с ягой бабой?

Бабка вышла на крыльцо и с интересом уставилась на этого умника.

– И зачем тебе баба-яга понадобилась, сладенький? – Тоже вежливо откликнулась она.

Рассказал Иван-царевич бабе-яге, что дала ему матушка гребешок и зеркальце и показала в том зеркальце его суженую Марью-моревну. Долго глядел на прекрасную Марью-моревну в зеркальце Иван-царевич и полюбил ее больше жизни. Тогда решил он ее разыскать, чтобы жениться на ней. Повесил он переметную суму на плечо, положил в нее матушкино зеркальце да гребешок, плат красный в подарок для невесты да хлеба кусок, и отправился в путь-дорогу.

– Много до тебя царевичей побывало, да не все вежливо разговаривали. Трудно будет отыскать тебе Марью-моревну, живет она, себя не помня, в царстве ягая. Эй, руки-слуги, руки-друзи! – Крикнула баба-яга. – Раскиньте-ка царевичу карты на дорожку!

И увидел царевич, что не так долог его путь в царство ягая, как долог будет его путь по царству ягая. И что у ягая много помощников, и что все они лицом как ягай, так что и не отличишь. Самого же царя-ягая мало кто видел, а кто видел, и сам не знал, что Самого Царя Ягая видел. И еще узнал Иван-царевич: что видит и слышит один ягай, видят и слышат все ягаи.

– А ты своим путем иди. Ягаи тебе не помещники, но и не помощники. Полезай-ка в подпол, там у меня последнее яблочко молодильное оставалось, возьми его себе на дорожку. А больше в подполье ничего не трогай!

Иван-царевич спустился вниз, достал из короба последнее молодильное яблоко, тут же и откусил половину. Уже повернувшись к выходу, заметил в самом углу тихое свечение: что-то странное, радужное, манящее потянуло его к себе. Приблизившись, разглядел он разноцветные крошечные колокольчики. Они дрожали, сияли и позванивали. Царевич протянул руку, но рука коснулась невидимого и влипла в полупрозрачную паутину. Он выпростал ладонь и тут увидел, что из тьмы на паутину выбрался огромный, размером с человеческую голову, волосатый паук. Какое-то время паук и Иван-царевич смотрели друг на друга, а потом, сильно раскачнувшись, паук прыгнул на голову царевича, сам превратился в его голову и моментально

прирос. Голову же самого Ивана-царевича он отбросил, и та, ударившись о сырую холодную землю, рассыпалась на множество маленьких паучков, сразу же потерявшихся в темноте...

Паук-царевич выбрался наверх, оставшуюся половину яблока убрал в суму и пошел к яге с повинной.

– Дуракова пути знать не знает, веда не ведает, глазами глазеют, сами же толики не видят... охoho... Ладно, ложись-ка спать перед трудом-дороженькой, утро вечера мудренее.

Засыпал паук-царевич с непривычки плохо. Он ворочался и безо всяких мыслей таращился в пустоту ночи. Когда же царевич, наконец, уснул, паук воротился в свое логово в бабкином подполье, поглядел на ткущих паутинки Иванов-паучков, полюбовался напоследок самоцветными колокольчиками, потом смотал свою паутину в клубочек, сунул его в переметную суму и вернулся к царевичу.

Часть 2

Прибежали к царю ягаевы слуги, докладывают:

– Царь-ягай, царство впустило перехожего царевича с яжым яблоком в суме.

Тот им отвечает: «Согласно Общему Уставу Ягая, в Его царстве яблоки, ягоды, коренья, травы, грибы и прочие плоды яжьего царства строго запрещены».

Так паук-царевич оказался в Первой темнице царства ягая.

Сколько-то времени прошло, вошел в темницу ягай, сказал:

– Здравствуйте, я – царь-ягай. Как продвигаются ваши поиски, уважаемый царевич?

Паук-царевич нахмурился и промолчал.

– Поскольку содержимое вашей сумы более не противоречит Общему Уставу царства ягая, вы свободны.

– Тогда верните мою суму и все, что в ней было.

Теперь нахмурился ягай.

– Да что там было-то, царевич? Наверное, и не помнишь?

Царевич, конечно, помнил:

– Зеркальце да гребешок, да невестушкин платок, да клубок...

– Да яблока кусок, – закончил за паука-царевича ягай. – Так, согласно описи, «яжье яблоко 0,5 шт. – 1 шт.» Ваше? Забирай!

Выйдя из темницы, паук-царевич заглянул в зеркальце и увидел, что давеча утонул сынок Марьи-моревны. Горевала она, убивалась. Горько стало царевичу, да ничего не поделаешь, пошел он дальше путем-дороженькой.

Стал тогда паук-царевич царя ягая разыскивать. Сколько-то времени прошло, приводят ягаевы слуги к какому-то ягаю паука-царевича, а тот посмотрел на него и говорит:

– Нет, не тот ты ягай.

– А как же ты узнал, что я не тот ягай, который тебе нужен? – спросил царевича ягай.

Царевич простодушно ответил:

– Баба-яга мне тебя на картах показывала.

– Колдуй баба – колдуй дед? Трое сбоку – ваших нет? Шпионили, значит, – многозначительно и самодовольно подытожил ягай, и в тот же миг паук-царевич очутился в Темной темнице царства ягая.

Долго ли, коротко ли оставался паук-царевич в Темной темнице, мы того не знаем и знать того не умеем. Спустя же какое-то время все же встретился он там с Самим Ягаем Темным. Отпустил Ягай Темный царевича из Темной темницы целым и невредимым, но изрядно постаревшим. И суму его с гребешком да зеркальцем, да платочком, в подарок невесте припасенным, вернул. А пол-яблока молодильного паук-царевич еще тогда съел, когда из Первой темницы ягаева царства освободился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.